

Сун Цзиньшу не мог просто так заболеть без причины. Вероятно, днем, когда его не было в усадьбе, произошло что-то, из-за чего он всю ночь был беспокоен, словно испуганная птица.

— Отвечай... Отвечай, второму господину, днем маленький господин приходил в комнату господина. — Служанка опустила голову, не зная, что делать, не понимая, кого слушать — Янь Чи или Янь Чэна.

— Расскажи всё, что произошло днем, и не жди, пока я узнаю об этом позже, иначе все вы будете наказаны!

Служанка тут же опустилась на колени и подробно рассказала о событиях дня. Прошло некоторое время, прежде чем Янь Чэн наконец заговорил, и она, украдкой взглянув на его реакцию, увидела, как он холодно смотрел в пустоту.

— Скажи управляющему, чтобы увеличил срок домашнего ареста маленького господина до 14 дней. В этом месяце он не пойдет в школу, а дома перепишет книги по поэзии 10 раз!

Янь Чэн прошелся несколько раз взад-вперед, сжав кулаки, так что ногти почти впились в ладони.

.

Врач осмотрел Сун Цзиньшу и подтвердил, что его лихорадка вызвана лишь сильным испугом. Он дал несколько рекомендаций по питанию и оставил рецепт для восстановления организма, после чего слуги проводили его из усадьбы.

Сун Цзиньшу был в бреду, его спину пробирал холод. Когда Янь Чэн приподнял одеяло, тот вздрогнул от холода, но лоб был ужасно горячим.

Как только Янь Чэн забрался под одеяло, Сун Цзиньшу тут же прижался к нему, словно хотел встроиться в его тело, нашел удобное положение и крепко уснул.

Обнимая это благоухающее тело, Янь Чэн стиснул зубы, пытаясь немного отодвинуть Сун Цзиньшу, но, как только он начинал действовать, тот снова прижимался к нему, еще ближе, чем прежде.

После нескольких таких попыток на шее Сун Цзиньшу выступила тонкая испарина, а на висках Янь Чэна выступил пот.

Янь Чэн глубоко вздохнул, подвинул ногу, чтобы не дать твердому предмету давить на Сун Цзиньшу, и с покорностью обнял его, больше не двигаясь.

Лихорадка Сун Цзиньшу быстро поднялась и так же быстро спала. Еще до рассвета его температура упала, и Янь Чэн несколько раз за ночь просыпался, чтобы проверить его лоб, и только убедившись, что все в порядке, наконец заснул.

.

Не успел он поспать и нескольких часов, как услышал крик петуха во дворе. Сун Цзиньшу проснулся раньше Янь Чэна, и, взглянув на легкую синеву под его глазами, все воспоминания о прошлой ночи хлынули в его голову.

Он спал неглубоко, в полудреме чувствуя, как кто-то постоянно гладит его лоб. Ночью его

мучили кошмары, и он не мог уснуть, но Янь Чэн обнял его, легонько похлопывая по спине, чтобы успокоить.

Сун Цзиньшу опустил глаза, чувствуя легкую благодарность.

Кроме родителей в деревне, больше никто не заботился о нем, когда он болел.

Впервые рядом с Янь Чэном он почувствовал, что его лелеют и оберегают.

Это было и ново, и немного страшно.

Янь Чэн слишком хорошо умел завоевывать сердца. Даже если раньше он был к нему суров, то теперь, когда Янь Чэн обращался с ним так нежно, он почти забыл о прошлых событиях.

Сун Цзиньшу прикусил губу, чувствуя досаду, и провел рукой по высокому носу Янь Чэна, но не успел убрать руку, как та была внезапно схвачена.

— Утром, жена, ты так засмотрелась на меня?

Янь Чэн еще не проснулся, его голос был хриплым и низким, звуча в ушах, отчего половина тела Сун Цзиньшу обмякла.

Он попытался вытащить руку, но не смог противостоять силе Янь Чэна, и после нескольких попыток сдался, позволив тому сжимать свою ладонь.

— Я знаю о происшествии с Янь Цзэ. — Янь Чэн все еще закрывал глаза, держа руку Сун Цзиньшу у своих губ, и его губы время от времени касались нежной кожи на тыльной стороне руки, вызывая легкую дрожь. — Родители родили его в старости и избаловали до крайности. Теперь, когда он оказался рядом со мной, придется его воспитывать. Но я не ожидал, что Цзиньшу теперь настолько привлекателен, что даже этот мальчишка с неокрепшими усами начал за тобой ухаживать.

Янь Чэн говорил с долей ревности и сожаления.

Такой прекрасный Цзиньшу, а в прошлой жизни он...

Сун Цзиньшу покраснел до ушей и провел указательным пальцем по уголку губ Янь Чэна. В последние дни погода была сухой, и губы Янь Чэна слегка обветрились, прикосновение пальца вызывало легкое царапание.

— Мой Цзиньшу — это драгоценный нефрит, который со временем непременно засияет, и сколько же восхищенных взглядов он привлечет. — Янь Чэн открыл глаза, опустив взгляд на Сун Цзиньшу, в его глазах была глубокая нежность, которую тот не мог понять. — Чтобы никто не смог за тобой ухаживать, я буду брать тебя с собой везде, куда бы ни отправился. — Янь Чэн приблизился к уху Сун Цзиньшу, его горячее дыхание коснулось шеи, заставив того отклониться. — Привяжу тебя к своему поясу, буду держать при себе.

Эти слова Янь Чэна звучали двусмысленно, и Сун Цзиньшу словно увидел, как его действительно привязывают к поясу Янь Чэна. Его лицо покраснело до предела, он слегка прикусил нижнюю губу и смущенно толкнул локтем грудь Янь Чэна.

Во дворе раздался шум подметания, и Янь Чэн, насладившись нежностью с Сун Цзиньшу, встал, оделся и приготовился отправиться в лавку.

Сун Цзиньшу обнял стройную талию Янь Чэна, застегнул его пояс и повесил на него нефритовую подвеску, которую тот всегда носил, легонько потрогав кисточку.

Янь Чэн повернулся, чтобы уйти, но Сун Цзиньшу схватил его за край одежды.

Обернувшись, он увидел, как Сун Цзиньшу смотрит на него с мольбой в глазах, словно в них была вода, которая смягчала сердце.

— У тебя есть еще что-то, что ты хочешь мне сказать?

Сун Цзиньшу покачал головой, но не отпустил его. Янь Чэн не торопил его, ожидая, пока тот соберется с мыслями.

Через мгновение Сун Цзиньшу снова поднял взгляд на Янь Чэна, его шея покраснела, и краснота распространилась на щеки.

— Я... при... при себе... держать.

Янь Чэн на мгновение замер, прежде чем понял, о чем говорит Сун Цзиньшу. Сдерживаясь, он наклонился и крепко поцеловал его в щеку, раздался звонкий звук.

Лицо Сун Цзиньшу стало еще краснее, он отвернулся, пытаясь скрыться от взгляда Янь Чэна.

— Возьму! Обязательно возьму с собой!

Янь Чэн позвал служанку принести воды, и Сун Цзиньшу, наклонившись, встал перед зеркалом, чтобы привести себя в порядок. Через мгновение он был полностью одет и стоял перед Янь Чэном.

Поскольку он взял с собой Сун Цзиньшу, Янь Чэн велел слугам вывести из конюшни гнедого коня и легко вскочил на него.

Янь Чэн протянул руку Сун Цзиньшу, улыбаясь с высоты, утренний свет, падающий с края неба, освещал его плечи, словно покрывая золотыми доспехами.

Сун Цзиньшу немного испугался, глядя на высокую спину коня, и не решался протянуть руку, но, подняв взгляд и увидев нежность в глазах Янь Чэна, он почувствовал, что бояться нечего, и положил руку в его ладонь.

Янь Чэн схватил его за запястье и легко поднял, посадив на коня.

Неожиданное чувство невесомости заставило Сун Цзиньшу вскрикнуть, но вскоре он устойчиво сидел на спине коня, его спина упиралась в крепкую грудь Янь Чэна.

Конь дернул передними копытами и двинулся вперед, Сун Цзиньшу застыл, боясь пошевелиться, крепко сжимая поводья.

Янь Чэн решил подшутить над ним, легонько ударил ногой по брюху коня, и тот, испугавшись, поднял передние копыта и заржал. Сун Цзиньшу закрыл глаза и прижался к Янь Чэну, его спина и грудь плотно соприкоснулись, словно они были созданы, чтобы быть вместе.

— Боишься?

Янь Чэн говорил на ухо Сун Цзиньшу, его губы слегка коснулись ушной раковины, и он ясно

видел, как мелкие волоски на ней стали золотыми под солнечным светом.

Только теперь Сун Цзиньшу понял, что Янь Чэн просто подшучивал над ним. Он боялся упасть с коня, но в то же время чувствовал смущение, и, услышав вопрос, не ответил, покраснев, передал поводья в руки Янь Чэна.

— Хочешь научиться ездить верхом?

Янь Чэн потянул поводья, и конь двинулся вперед, слегка покачиваясь под ними.

Сун Цзиньшу впервые сидел на коне, и ему было интересно. Он погладил гладкую гриву коня, колеблясь, но кивнул.

— Когда дела в лавке будут не такими загруженными, я сам научу тебя.

Янь Чэн почувствовал, что их отношения стали ближе, чем раньше, и любил дразнить Сун Цзиньшу, называя его женой, видя, как он краснеет, но не смеет возражать. Его сердце наполнялось теплом, и низ живота тоже.

— ...Хорошо. — Сун Цзиньшу опустил голову, пряча лицо за прядью волос.

Янь Чэн поднял эту прядь и закинул ее за ухо, легонько поглаживая покрасневшую мочку уха.

Он опустил взгляд и увидел, как на солнце шея Сун Цзиньшу светится белизной, и его мысли невольно вернулись к прошлой жизни, к тому моменту в карете, когда тело Сун Цзиньшу в его объятиях постепенно холодело. Это было бременем, которое Янь Чэн не мог сбросить.

<http://bllate.org/book/16689/1531872>